

О МЕТАИСТОРИЧЕСКОМ СВОЙСТВЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

[Кризис литературоцентризма. Утрата идентичности vs. новые возможности. / Отв. ред. Н. В. Ковтун. Москва: ФЛИНТА; Наука, 2014. 576 с.]

Коллективная монография (5-ый выпуск серии «Универсалии культуры») включает в себя материалы Международного научного семинара, состоявшегося в Сибирском федеральном университете в ноябре 2013 г. Название монографии ориентирует читателя на обсуждение проблемы бытования литературы в условиях российской культуры и цивилизации. Литературоцентризм как исторически сложившийся феномен российской действительности означает повсеместное присутствие словесности «в религиозном, политическом, социальном, философском, естественнонаучном дискурсах» (с. 5). Таким образом, национальная русская идентичность познавалась (и познается?) посредством литературы, через литературу передавался (и передается?) социальный, этический, эстетический опыт поколений.

Авторы монографии остановились на разных аспектах литературоцентризма. Литературоцентризм как теоретическая проблема и разворачивающееся во времени культурное явление – содержание первого раздела *Литературо-*

центризм как модус русской культуры: структура и историческая динамика явления. Второй раздел монографии *Литературоцентризм как самоописание. Литература о литературе: образ, мотив, сюжет, рефлексия, текст* посвящен взгляду литературы на самое себя – свою словесную ткань, художественные принципы и приемы. В заключительной части книги, обозначенной как *Литературоцентризм и вызовы интермедальности: Слово и...*, рассматривается взаимодействие литературного поля с медиальными, социальными и иными практиками. Львиная доля статей, размещенных в книге, принадлежит сибирским авторам – ученым из Красноярска, Новосибирска, Томска, Иркутска и Барнаула – и литературоведам Уральского региона (Екатеринбург, Челябинск, Пермь). К ним присоединились исследователи из Санкт-Петербурга, Москвы, Финляндии, Германии, Польши и Хорватии.

В открывающей монографию статье О. Турышевой *Опасности кльтуроцентризма: культ литературы глазами литературы* выявлен тот аспект пробле-

мы литературоцентризма, который мало затронут в известных работах М. Берга и И. Кондакова, – рефлексия русской словесности по поводу собственного статуса в культуре. Речь идет о литературе как способе осмысления мира и формирования личного опыта. Турышева сосредоточивается на «опасностях», которыми чревата абсолютизация художественного слова, ставшего образцом жизнепрживания. Формирование иллюзорного сознания рассмотрено на примере персонажей книг Дж. Остен, А. Радклифф, Г. Флобера. Упомянуты трагические последствия сакрализации книги в «Фаусте» И. Тургенева и «Библиотекаре» М. Елизарова. Использование литературного образца в качестве индульгенции собственной безнравственности доказывается обращением к прозе Чехова и фигуре «подпольного человека» у Достоевского. Опасность литературоцентризма как суррогата реальной жизни очевидна в прозе Г. Гессе, Э. Канетти, К.-М. Домингеса и подкрепляется отсылками к повести Л. Улицкой «Сонечка», а чреватое насилием над жизнью манипулятивное использование силы слова рассмотрено на примере романа Вс. Бенннгсена «ГенАцид». В заключении Турышева обзрывает отдельные эстетические концепции, мифологизирующие слово, предполагая, что в разные периоды, изображая читателя, литература «неизбежно вступает в диалог с современной ей эстетикой» (с. 23), а утверждение литературы или разочарование в ней носит циклический характер. При этом сюжеты об изживании веры в литературное слово – наиболее частотны.

В рамках красноярского семинара был организован круглый стол «Ан-

тилитературоцентричная стратегия Д. А. Пригова как разрушителя образа Поэта-пророка». Этому обсуждению соответствует статья И. Кукулина *Увенчание и развенчание идеологического мифа в мистериальном театре Д. А. Пригова*. Опираясь на определение «литература – это медиум» (то ли в русском значении этого слова, то ли, вслед за М. Рыклином, в английском – средство, способ), Кукулин задается вопросами: «...если литература – это медиум, хотя бы и важнейший, тогда что же находится в “центре”»? С какими фундаментальными смысловыми структурами было связано российское общество XIX-XX вв. через этот медиум? (с. 31). Ответы на вопросы перекликаются с «опасностями» литературоцентризма, перечисленными в статье Турышевой: любой выбор жизненного пути в русском обществе «был социально проблематичен и нуждался в дополнительной легитимации» средствами литературы. К литературному тексту относились как к «медиуму “компенсирующего” идеологического мифа, спасающего личность от самоотчуждения и определявшего нормы восприятия и интерпретации реальности» (с. 34). Корректируя определение современной культурной ситуации, данное М. Бергом («бунт против литературоцентризма»), и обозначая эту ситуацию как длящееся разрушение связи между литературой и идеологией, Кукулин выходит на разговор о соц-арте и концептуализме, в которых демонстрировался «насилованный, ритуализованный и в то же время условный характер идеологии как знаковой системы» (с. 36). С этой точки зрения, идеологические мистерии Пригова не разру-

шают, а созидают литературоцентризм, облекая литературу в формы автономной смысловой системы.

В таком же ключе интерпретируются многочисленные деконструкции «пушкинского мифа» в творчестве А. Битова в статье А. Мейер-Фраатц *Развенчание мифа или сотворение нового? «Освобождение Пушкина» из литературно-исторической канонизации А. Битовым, или «что надо знать о зайце»* (несколько тяжеловесное и двусмысленное, с моей точки зрения, название – скорее всего, неудача переводчицы статьи). Битов, по мнению автора статьи, высвобождает литературу «из пут внешнего, в том числе государственного, влияния» (с. 68).

Деконструкция мифа о Пушкине как части литературоцентричной мифологии – один из аспектов всестороннего текстового анализа в статье Н. Ковтун *Реальность и текст в прозе рубежа XX–XXI веков: «Последний мир» К. Рансмайра и «Кысь» Т. Толстой*. Н. Ковтун замечает, что образ Пушкина в литературе XIX в. сохраняет признаки жизненности, а в современном сознании «превращается в знак, национальный архетип, на языке которого с миром говорит коллективное бессознательное» (с. 89). В центре внимания автора – филологически ориентированные персонажи двух романов, исследующие свои и чужие тексты, а также их взаимоотношения с автором-создателем. В статье выражается уверенность в наличии новых возможностей литературы как языковой культуры и потенциалов человека-творца, «которому отдается центральная роль в текстопорождении». Таким образом «литературе возвращается гу-

манистическое измерение» (с. 94). Намечившейся в произведениях 2000-х гг. тенденции – смещению интереса в сторону героя-переписчика, переводчика, комментатора или читателя уделяется немалое внимание и в статье М. Абашевой *На литературном фронте: борьба с каноном в русской прозе рубежа XX–XXI веков*. При этом дуэльные отношения с литературой, образцом которых выступают в статье художественные феномены прошлых лет – романы «Пушкинский Дом» и «Андеграунд, или Герой нашего времени», «трансформируются в сторону жесткой brutality» (с. 132). Понятия чтения, литературы, библиотеки как маркеров национальной идентичности переосмысливаются в современной прозе. Исчерпан ли потенциал этой символики? Анализ текстов свидетельствует о перверсивном характере бунта против литературоцентризма, который, по мнению Абашевой, остается все той же «инвентаризацией» «существующей литературной мифологии, симптомом внутренней борьбы внутри самой литературы» (с. 137). В массовой же словесности сохраняется «семантика писательского труда как высшего служения» (с. 128).

Последнее косвенным образом подтверждается в статье И. Савкиной *«Поцелуй вампира»: убивает или сохраняет классику современная массовая литература?* Автор обратилась к одному из индикаторов кризиса литературоцентризма – резко возросшему спросу на массовую литературу. Опираясь на исследование Б. Дубина, Савкина пишет о роли классики в литературоцентричной российской системе. Классика, принимая активное участие в создании

коллективной (национальной) идентичности и сохранившая значение «национального духовного пантеона», выдвинула, однако, «иных носителей» исповедуемых ею ценностей. Среди таких «носителей» – вечный антагонист классики, популярная литература. Савкина обращается к мнению представителей массовой литературы, настаивающих на своем праве диалога с классическими текстами как с сокровищами «коллективного воображаемого», которые можно «трансформировать, дописывать и переписывать» (с. 101). Автор статьи перечисляет функции классики в случае ее использования масскультурой: это «средство занимательности, комфортной узнаваемости» и пособие вариативности формульной массовой литературы (с. 104). Сама природа массовой, формульной литературы влечет ее к готовым клише, поставляемым литературоцентрическим культурным прошлым как «резервуаром прецедентных имен и сюжетных мотивов», стереотипизованных интерпретационным каноном (с. 110). Производители популярной литературы заинтересованы в том символическом (образаемом в реальный) капитале, который им предоставляет статус писателя, так как они, как и классика, принадлежат одному социокультурному полю – литературному, с которым более чем успешно конкурируют иные медийные поля. А значит, массовая литература пытается «продлить ситуацию литературоцентризма» (с. 110). К теме массовой литературы обратилась и М. Литовская в статье *Школьное преподавание литературы и его роль в судьбе российского литературоцентризма*. Автор пишет об усилиях вернуть лите-

ратуру в центр интересов посредством адаптации критикой и литературоведением «высокой» литературы к возможностям массового читателя и легитимации массовой литературы в сознании реципиентов художественных текстов. Литовская рассуждает о болезненности этих процессов на примере активизации внимания к текстам массалита, которые можно рассматривать как «источник информации о господствующих общественных стереотипах, как форма идеологического давления на аудиторию, как способ проявления коллективного бессознательного» (с. 149–150). В статье рассматривается необходимость изменения подхода к преподаванию литературы в школе. Опираясь на труды Е. Добренко, Литовская акцентирует нормирующую функцию школьного чтения в СССР и доминирование авторитарных интерпретаций художественного текста. Но подчеркивает и положительные результаты полтора-векового проекта изучения литературы в школе: умение читать объемные сложные тексты и рассуждать о них более-менее профессионально. В новой социально-экономической ситуации литература и язык ее анализа ощущаются многими молодыми читателями как «бесполезные» или даже «чужие» (с. 152). Но школьное изучение литературы по-прежнему исходит из жесткой культурной иерархичности (образцом подобного подхода Литовская называет книгу И. Сухих), что противоречит реальным читательским предпочтениям современных школьников (с. 150–151).

Т. Рыгова предприняла попытку взглянуть на расщепление базовых историко-литературных концептов как

на возможность рождения «новых позитивных концепций» на примере романов Крусанова, Пелевина, Шишкина, Бутова, Дмитриева. В статье *К проблеме литературных поколенческих мифов в эпоху кризиса литературоцентризма: особенности поколенческого сюжета в романах 2000-х годов* фиксируется редукция моделей «поколенческого конфликта» и «поколенческой коммуникации» в высокой, беллетристической и массовой литературе. Рождение новых сюжетов в рамках поколенческой темы прослеживается в романе А. Иличевского «Математик», герой которого моделирует возможности «трансцендентной» встречи с умершими поколениями, наполняя укорененную в мифологии и культуре ситуацию воскрешения отцов новым содержанием.

Первый раздел монографии завершает статья Ю. Говорухиной *Кризис литературоцентризма: а был ли мальчик?* Излагая различные оценки кризиса литературоцентризма (национальное бедствие, шанс для самостоятельного мышления, способ литературы говорить о себе в отсутствии общественного интереса к ней), автор анализирует литературную критику рубежа XX–XXI вв., доказывая, что интерпретационные стратегии, истолкование роли писателя и взаимоотношений между читателем и автором у большинства критиков даже в ситуации заявленного кризиса остаются литературоцентричными. В качестве примеров приводятся образцы «патриотической» литературной критики, дискурс которой зиждется на метафоре «борьбы» (за читателя, с ложными ценностями и т.п.). В жанре литературного портрета

излагаются возможные поведенческие модели для читателя, а в художественных текстах критик-«патриот» вычитывает спасительные жизненные ориентиры для ценностно дезориентированного читателя. Либеральная критика демонстрирует отказ от императивности, ориентируется на реципиента-соучастника критического исследования и предлагает к чтению тексты авторских поисков идентичности и экзистенциальных переживаний. По Говорухиной, это также вариант «вычитывания ответов в литературе» (с. 196). Постмодернистская критика эксплуатирует «момент осознанного непроговаривания (неусиления, неудвоения) литературной истины» (с. 198), формирует самостоятельные интерпретационные способности читателя, акцентируя прагматику художественного текста. С точки зрения Говорухиной, перед нами альтернативная модель литературоцентризма, в которой очевидны все компоненты этого феномена. «Новая» критика молодых авторов нулевых годов педалирует свою литературоцентричность и предназначенность к «месседжу» – предоставлению истинных ответов на вечные вопросы и вызовы современности. Таким образом, литературная критика предлагает интерпретации литературы как ответ (или провоцирование такового) на актуальные для общества вопросы. А «эти свойства критики всегда будут поддерживать литературоцентризм в той или иной степени» (с. 204).

Второй раздел монографии, включивший размышления исследователей о самоописании литературы, начинается статьей В. Васильева *Литературный текст в свете архетипической пробле-*

матики, в которой переосмыслиется представление о кризисе структуриализма и «рекламируется» «описание универсальной структуры и порожденных ею сюжетных моделей, объединяющих русскую литературу в некое общее системно-структурное пространство» (с. 214), представленное в работах автора статьи и в коллективной монографии, изданной в Новосибирске в 2012 г. Начальным текстопорождающим архетипическим сюжетом русской литературы назван сюжет о Христе и Антихристе. Архетипический подход к тексту, с точки зрения Васильева, есть путь преодоления методологического кризиса в литературоведении.

Предметом исследования в статье Е. Шевчуговой *Художественно-эстетическая рефлексия в письмах И. А. Гончарова* стала переписка писателя с литераторами. Обильно цитируется гончаровский эпистолярный, однако выводы, на мой взгляд, делаются вполне тривиальные: Гончаров то «подтверждает» известное суждение о движении литературы по спирали, то «констатирует» отсутствие серьезных текстов, хотя (поучает автор статьи) «знаковых текстов и не может быть много» (с. 242–243). Авторские комментарии писем Гончарова могли бы создать впечатление о банальном эстетическом мышлении Гончарова, но цитируемые эпистолярные выдержки свидетельствуют о возможностях интереснейшей их интерпретации: например, сравнение позиций Гончарова и Тургенева в одном из писем к Ганзену, сопоставление суждений Тургенева с высказываниями... Р. Барта (с. 244), осмысление противоречий, когда Гончаров упрекает Достоевского

в излишней публицистичности и одновременно поучает молодого автора ополчаться «умом и желчию на уклонения современного общества от пути здравого смысла и неиспорченного чувства» (с. 245). Впрочем, автор статьи осознает, что «поэтика и проблематика писем <Гончарова>... еще ждут полноценного описания» (с. 247). Статья Е. Анисимовой *В. А. Жуковский в эстетике и поэтической практике К. М. Фофанова. Об особенностях литературной саморефлексии предсимволистского времени*, напротив, представляет тщательно отобранный (наброски статьи Фофанова «Жуковский и Гоголь», неопубликованные записи поэта и отдельные его произведения, содержащие «след» Жуковского) и прокомментированный материал, касающийся усиленной переходным (предсимволистским) временем литературной рефлексии. В рецепции творчества Жуковского у Фофанова выделяются дихотомия поэзия/проза (как важнейшее слагаемое самоопределения поэта в эпоху «грубого позитивизма»), тема памятника и социальные осложнения «балладного страха», когда «балладная форма стала выполнять функцию прикрепления к литературе тем безденежья и социальной ущемленности» (с. 277).

Проблематизации литературного объекта в сознании И. Бунина посвящена статья К. Анисимова *Литературность и ее границы: два представления о книге в эстетике И. А. Бунина*. Размышления автора структурированы двумя вопросами, которые «мучали» Бунина: является ли художественная словесность «эстетическим механизмом и суверенной знаковой системой,

противопоставленной как носитель сакраментального смысла неупорядоченной реальности как хаосу? <...> Является ли литература ложной деятельностью, заведомо ущербной по отношению к “истинной” жизни и не способной ее адекватно описать?» (с. 280). Анисимов исследует приемы описания книги в творчестве Бунина: от начальной эстетизации и музеификации книги до конфликта с системой конвенциональных литературных приемов и переосмыслении концептов книги и библиотеки. Тема К. Анисимова продолжена Е. Проскуриной (*Мотивы библиотеки, книги, чтения в романах Г. Газданова*), М. Хатямовой (*Знаки литературности в биографической прозе Н. Н. Берберовой*) и Н. Хрящевой (*Функция «чужих» текстов в романе «Чевенгур»*). Е. Проскурина проследила газдановскую эволюцию отношения к книжному знанию, остановившись на «познавательном эклектизме» автобиографических персонажей, на сопоставлении круга чтения автора и героев, на поэтике образов персонажей, зачастую связанной с чтением главного героя, а также на роли «правильного чтения» в духовном «до воплощении» героя у позднего Газданова. М. Хатямова связывает принципиальную антилитературность молодых авторов журнала «Числа» с кризисом национально-культурной идентичности русских эмигрантов. Однако логикой свои статьи доказывает литературоцентричность творчества Берберовой. Художественные биографии, созданные писательницей, рассматриваются как проявление концепции «литературы, преодолевающей литературность», и, одновременно, как актуализация из-

вестных мифов, задействованных русским символизмом. Н. Хрящева уделила внимание сюжетобразующей функции «вводных» текстов в романе «Чевенгур», раскрыв не только семантику Книги в данном произведении, но и остановившись на мотиве чтения вслух, переходе *чтения* в *письмо* и проблеме созидательных возможностей художественного слова, волнующих автора и героев (с. 346).

В рамках диалога современной литературы и классики рассматривается вопрос о «достоевскоцентризме» российской словесности в статье Р. Семьиной *Метафизика превращений в творчестве Ф. М. Достоевского и Ю. В. Мамлеева*. «Принцип использования сюжетных ходов, коллизий и особенно мотивов как важнейших форм выражения авторского сознания» (с. 374) у Достоевского и Мамлеева, их сходство и различие – заявленный объект исследования, который, однако, сужен на таком *locus communis* в творчестве писателей как мотив фантастических метаморфоз, сопряженный у Достоевского и Мамлеева с «коллизиями испытания веры в Бога» (с. 387). М. Сидор сосредоточилась на неоднократных высказываниях Солженицына о призвании и ответственности писателя. В статье *Творчество и ответственность: статус литературы в публицистике А. И. Солженицына* немалое место занимает анализ текстов солженицынской «Литературной коллекции» (замечу, что выбранный предмет анализа противоречит названию статьи). Актуальность высказанных писателем идей для современных дискуссий о русском литературоцентризме Сидор связывает с важ-

ной для Солженицына категорией исторической правды литературы. В статье концепция Солженицына сопоставлена с суждениями Ч. Милоша. Автор подчеркивает, что польский писатель связывал условное понимание правды в западном искусстве как раз с кризисом европейского литературоцентризма (с. 401–402).

В статье *«Золотой сон» литературы (логоцентризм и антилогоцентризм прозы Т. Толстой)* О. Богданова обращается к ранней прозе Толстой как «насквозь логоцентричной» (с. 410), что выражено в тотальной интертекстуальности ее ранних рассказов. Рассказ «Лимпопо», с точки зрения автора статьи, знаменует смену логоцентричных тенденций антилогоцентричными мотивами поздних рассказов. «Примирение» обеих идей происходит в рассказе «Сомнамбула в тумане». Насквозь ироничный «книжный» сюжет рассказа, казалось бы, демонстрирует смысловой анти-логос, но, по мнению Богдановой, само обращение Толстой к «содержательному пласту литературы, к приемам мощной интертекстуальной насыщенности» (с. 426) являются приметой литературоцентричности и героя, и автора, если понимать логоцентризм не как спасение, а как «некое осмысляющее “плацебо”», облегчающее человеку боль и страдание (с. 427). Рассуждая о романе «Кысь», Богданова указывает на первоначальную литературоцентричность мира героев романа. Однако в финале произведения Толстая корректирует свой замысел антилогоцентричной сентенцией, что представляется автору статьи «(реально) не мотивированным и (литературно) необоснованным»,

разрушающим всю логику повествования (с. 434). Противоречивость авторской позиции Богданова объясняет «взрослением человека и писателя» в течение тех 15 лет, которые отделяют ранний текст романа от его продолжения в 2000-х г.: «Многолетний перерыв в работе...привнес в нее пессимистический (в частности, антилитературоцентричный) настрой» (с. 436). Указав на разнообразные недочеты произведения, нарушающие его художественную цельность, Богданова, тем не менее, отстаивает ориентацию Толстой на смысловую потенциал русской литературы.

Третий раздел монографии охватывает шесть статей о «вызовах интермедиальности».

Я. Войводиц анализирует «словесно-визуально-аудитивные элементы» (с. 450) «обработок» пушкинской «Метели» – российской кинематографической начала 1960-х гг. и хорватской театральной 2007 г. (статья *Игра в литературоцентризм [на примере адаптации «Метели» А. Пушкина]*). Благодаря этим элементам происходит трансформация литературного текста в новом времени. К сожалению, в исследовании есть невнятные суждения, возможно, связанные с трудностями выражения тех или иных положений на русском языке (с. 449, 457 и др.).

В рамках оппозиции литературы СМИ рассмотрена поэма В. Маяковского «Про это» в статье Е. Худенко *Телефонная близость в русской поэзии: подрыв литературоцентризма*. Теза о том, что «упоминание телефонного аппарата и создание пространства телефонного общения» связаны в русской литературе «с сюжетом об утраченной любви, пси-

хоаналитически отсылающим к страху эстетической смерти (потере читателя в потомстве)» (с. 460–461) развивается как исследование «нулевой визуальности» (визуальность рассматривается как одна из важных примет чтения и письма) телефонного общения, что редуцирует потенцию текста поэмы к литературоцентричности. Отсутствие телефонной близости с возлюбленной рассматривается на примере стихотворений других поэтов, в которых «создатель телефонной речи “умирает”, не закрепившись на бумаге» (с. 476), что заостряет проблему поэтической идентичности.

Один из случаев проблематизации представления о литературе как о «решающем факторе в конструировании личности» предлагает А. Разувалова в статье «Влияние литературы и искусства на человеческое общество... преувеличено». Виктор Астафьев: «литература» vs. «биология». Анализу подвергаются историософская концепция и моменты творческого самоопределения одного из самых ярких представителей литературоцентричной культуры – В. Астафьева. Перечисленные автором статьи обстоятельства социализации писателя, его «глубоко личный травматичный опыт страдания, унижения и их преодоления» (с. 483) объясняют приверженность писателя к классической культуре как важнейшему фактору эволюции человека. При этом Разувалова отмечает двойственность отношения Астафьева к культуре: с одной стороны, он полагает ее важнейшим инструментом социализации, с другой – осуждает ее оторванность от обычной жизни и ее простых ценностей. Активное потре-

бление человеком суррогатов культуры в постперестроечные времена описано Астафьевым в метафорах «кризиса» и «распада», то есть приводит писателя к критике антропоцентризма и современной цивилизации (с. 491). В поисках языка для передачи «расчеловечивания» в рамках подцензурной культуры Астафьев «допускал критически-натуралистическое изображение действительности» (с. 495) как некую шоковую терапию читательского сознания.

В статье *Интермедиаальный код в новейшей русской прозе (роман «Быть Босхом» А. Королева)* Т. Маркова представила «текст Босха» в романе Королева как способ «переведения натуралистического регистра образов в эстетический» (с. 513). В статье приведены многочисленные примеры переноса визуальных элементов в вербальный ряд. Интересная и насыщенная статья, на мой взгляд, не свободна от излишнего пафоса (с. 515) и вызывающих удивление высказываний. Например: «В переходные историко-культурные эпохи (барокко, романтизм, модернизм (?), постмодернизм)...» (с. 498. Курсив мой. – Г.М.), «... текст романа соотносится с современной неонатуралистической прозой – чернухой» (с. 505)¹.

Исследование И. Плехановой *Литературоцентризм социальной лирики* касается творчества В. Емелина, А. Родионова и М. Степановой, представляющих игровую публицистику, балладную новеллистику и парафольклорную лироэпiku. Разделы статьи отражают ход мысли автора, которую интересу-

¹ Чернуха – клише, имеющее отношение к литературе конца 1980–1990-х гг.

ют модели «резонирования» социальной лирики («с общим болезненным существованием»), проявления литературного коллективного бессознательного в социальной лирике, названного автором «природным логоцентризмом национальной культуры..., признанием действенной природы слова и неминуемой ответственности...» (с. 526). Останавливается Плеханова и на литературной рефлексии по поводу я-поэта и поэзии, когда имеющиеся текстовые эталоны «как стигматы, проступают в собственном стихотворном пространстве» (с. 530). Все три версии социальной поэзии, по мнению автора статьи, демонстрируют «принципиальную деперсонализацию творческого сознания: с метафизики бытийного оно переориентировалось на физиологию общего существования...» (с. 554). От традиционной «гражданской лирики» эту интеллектуально и интертекстуально насыщенную поэзию отличает не открытая, но сокровенная, сочувственная коммуникация с адресатом. У этой исчерпывающей и интересной статьи, на мой взгляд, есть недостаток – излишняя «барочность» научного дискурса.

Заключительная статья монографии называется *Современная литература для детей: стагнация или трансформация?* Согласившись с мнением специалистов о том, что нынешние произведения для детей – это новый тип детских текстов, имеющих общие черты, А. Губайдуллина предлагает сосредоточиться на некоторых из них – двойной

адресации детской литературы (для детей и взрослых) и ее ироническом модуле. Современные детские тексты не доверяют методике убеждения, нравственно неоднозначны и склонны «к прогнозированию, к рассмотрению множественности версий миропонимания» (с. 564), к инвертированию привычных этических моделей (с. 567). Впрочем, эти умозаключения при анализе конкретных текстов (а их немало) каждый раз корректируются или дополняются новыми смыслами.

Человек был и остается существом словесным, а значит постоянно испытывающим потребность вербального самовыражения и столь же постоянно стремящимся выйти за пределы подобной реакции во вне, ощущая неадекватность выражения своему замыслу. Многие аспекты именно этой проблемы, обостренной постсоветской десоциализацией литературы, релятивностью постмодернистской эстетики, активизацией визуальных искусств, коммерциализацией результатов творческой деятельности, «истончением слоя» культурно вмняемых адресатов литературного письма, пытались анализировать авторы коллективной монографии, являющейся уникальным на данный момент исследованием, в котором теоретические выкладки сочетаются со скрупулезным текстовым анализом, а суждения о современном социокультурном пространстве – с взглядом вглубь традиций российской словесности.

Галина Михайлова